

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И МЕТАФОРА

Языковая картина мира (ЯКМ) относится к числу фундаментальных понятий, отражающих специфику бытия человека и его духовной жизни. Чаще всего она пределяется как исторически сложившаяся в сознании языкового коллектива и отраженная в языке система образов и представлений человека об окружающей его действительности, как способ концептуализации действительности, как обозначение репрезентированной в языке реальности. У народов, территориально, исторически и культурно близких друг другу, картины мира типологически схожи. И наоборот, территориальная и культурная отдаленность носителей различных языков создает предпосылки для многочисленных отличий в ЯКМ. Специфика той или иной ЯКМ обнаруживается прежде всего на лексическом и грамматическом уровнях. Так, различия могут наблюдаться в этикетных формулах, социальных стереотипах и эталонах, словообразовательных моделях, в синтаксической сочетаемости слов, метафорических формулах и тематических группах, вовлеченных в метафорический процесс, в арсенале образных и коннотативных средств, корпусе безэквивалентной лексики и мн. др. Совокупность всех языковых средств образует некую целостную систему взглядов и воззрений, своеобразную коллективную философию того или другого народа. Такая «философия» представляется не зеркальным (механическим) отражением действительности, а призмой, интерпретирующей мир в соответствии с мировидением носителей языка. И в этой призме немаловажную роль отыгрывают опосредованные обозначения предметов и понятий, наиболее ярко выражающиеся в метафорических структурах.

Описание и реконструкция той или иной ЯКМ через метафору вполне оправданно, ибо именно метафора считается одним из наиболее эффективных способов создания образа окружающего мира, средством создания нового когнитивного содержания и получения нового знания через создаваемой ей мощное ассоциативное поле. В метафоре синтезируются познавательные процессы, эмпирический опыт, культурное достояние коллектива, его языковая компетенция, что в целом позволяет отобразить в языковой форме, сделать наглядной невидимую языковую картину мира, воспринимаемую за счет вербально-образных ассоциаций.

В картинах мира различных языков нетрудно обнаружить интегральные метафоры, обусловленные общностью человеческого мышления, его биологическими предпосылками – абстрагированным и обобщающим характером мышления, способным отражать весь окружающий мир во взаимо-

связи и взаимообусловленности, находить похожие аналогии и универсальные взаимосвязи между предметами и явлениями реальности. Ведь не случайно метафоры называют моделями, в соответствии с которыми человек думает и действует, определенным образом членит и классифицирует окружающую действительность. Многие метафорические модели и образы служат своеобразными образцами, схемами, заготовками для речи, которые в определенных языках наполняются конкретным смысловым содержанием.

Метафоризация осуществляется в пределах семантических сфер, которые репрезентируют почти всю сферу человеческого опыта. Практические материалы наглядно демонстрируют и подтверждают теоретические выводы о том, что центром притяжения метафоры является человек и всё, что связано с его жизнедеятельностью (от физических особенностей до абстрактных отношений и понятий). Человек концептуализирует различные реалии, опираясь на свои собственные представления и ценностные ориентации, концентрирует вокруг себя предикаты самых различных предметов и наделяет их своими предикатами. Поэтому чаще всего процессы метафоризации носят анимистический и антропоморфический характер и осуществляются от человека и на человека.

Анимистические метафоры направлены на человека и отражают широкие и многосторонние связи объективной реальности с жизнью человека. Истоки таких метафор легко просматриваются в анимизме, одухотворении первобытным человеком предметов, сил и явлений природы. Безусловно, сегодняшние анимизмы никак не отождествляются с анимистическими представлениями наших далеких предков, а являются образными характеристиками, своеобразными прозвищами людей. Исходной базой для образования таких метафор служат названия животных и птиц, предметов быта, сельскохозяйственных приспособлений и орудий труда, строений, одежды, обуви, деревьев, растений и т.п. Выбор их зависит от многочисленных причин и прежде всего того аспекта, с точки зрения которого характеризуется человек (его внешнего вида, психического состояния, поведения, умственных способностей, материального и семейного положения, профессии, национальности, возраста и пр.).

Коннотативным центром анимистических преобразований считаются зооморфизмы, характеризующиеся яркой образностью, эмоциональностью, в большинстве случаев пейоративной (реже – мелиоративной) оценочностью, регулярной воспроизводимостью в пределах зооморфической модели. Несмотря на, казалось бы, универсальность проявлений, зооморфизмы в той

или иной степени служат показателем специфики ЯКМ. Так, *слон* в индийских языках имеет коннотацию 'изящества, грациозности движений', *верблюд* в арабском языке – 'красоты', *черепаха* в китайском языке – 'неверности'. Коннотативное содержание этих слов в белорусском и русском языках, как известно, иное. В структуре английского слова *bear* наряду с основным значением 'медведь' фиксируется сленговый ЛСВ 'полицейский', который отличается от привычного нам представления неуклюжего, неповоротливого человека. Моносемичное в русском и белорусском языках слово *дрозд* при сравнении с французским языком выявляет характерные для этого языка выражения *fin merle* 'пройдоха', *beau merle* 'неприятный человек'. Несовпадения смыслового объёма зооморфизмов и их коннотативных характеристик в разных языках обусловлены различиями ассоциативных связей, культурно-этническими, морально-эстетическими, социально-историческими и другими причинами.

Антропоморфические метафоры, восходящие к древним представлениям людей, их вере в магическую силу слова, развились по обратной модели «человек → птицы, животные, деревья, растения, природные явления и др.». Такие метафоры характеризуются деривационной зависимостью от производящих единиц и довольно широкими семантическими парадигмами. Из всех метафор этого типа наиболее представительными являются зоонимы, когда отождествляются определенные признаки и качества людей и животных: *атаман* 'вожак стаи гусей', *вдова* 'кукушка', *квартирант* 'птица, занявшая чужое гнездо', *парламентёр* 'грач', *разбойник* 'коршун', *барабанищик* 'дятел'. В смысловых структурах многих полисемантов наблюдается олицетворение, когда предметы, вещи, растения наделяются человеческими качествами и свойствами: *сестры-волны*, *царь-дуб*, *царица-водица*, *рыцари-сосны*, *пленница-яблоня*, *работяга-мотыга*, *коллега-автобус*.

Персонифицированные метафоры относятся к числу внутренней полисемии и занимают промежуточное положение между анимистическими и антропоморфическими метафорами, находятся на их стыке. Специфика таких метафор заключается в том, что при наименовании лица практически не происходит трансформации денотативной соотнесенности (переносы осуществляются от человека и на человека), наблюдается только замена коннотативных сущностей. Именно поэтому характеристика человека носит отпечаток субъективного начала и гипотетического домысла.

Экзистенциальные метафоры, отражающие широкую палитру жизни человека, втягивают в сферу своей компетенции наименование водного потока (*река земного бытия*, *океан жизни*, *ручей дней*, *житейское море*,

жизненный водоворот), дороги (*дорога жизни, тропа жизни, жизненный путь, большак, мирская колея*), транспортных средств (*поезд жизни, жизненный экспресс, челн жизни, телега жизни*), театральные и цирковые атрибутов (*сцена жизни, жизненная авансцена, арена жизни, зрелище жизни*), праздников (*праздник жизни, бал яркий жизни, карнавал дней, пир жизни*).

Темпоральные метафоры косвенно отражают философскую категорию времени (движение, развитие, продолжительность существования явлений действительности, последовательность изменений их состояний). В неостановочном и изменчивом движении выделяются несколько временных циклов, связанных с исходом, началом чего-либо, первым его проявлением (*утро жизни, рассвет космической эры, ростки добра, пролог путешествия*), последним моментом развития, завершенностью существования (*догорание жизни, финал бытия, финиш жизни, пепелище любви*), а также с периодом прошлого, того, что существовало ранее (*обломки веков, осколок войны, пергамент дней*), или того, что ожидается в будущем (*новые вершины и дали, на пороге ночи*).

К числу концептуальных метафор, известных многим языкам мира, относятся психологические метафоры, построенные на сходстве эмоций и чувств человека, его внутреннего состояния с различными проявлениями природных явлений. Как правило, трансформациям подвергаются водная, огненная и воздушная стихии (*волна желания, водоворот страстей, пламя страсти, жар души, костры желаний, пожар вражды, огонь любви, буря гнева, гроза любви*).

Квалитативные метафоры рассматриваются как косвенные и прагматично маркированные способы репрезентации качеств, наиболее существенных признаков предметов и явлений. Лидирующими в этой группе считаются колоративы, соотносимые с названиями камней, металлов и минералов: *золото песков, позолота берез, звездное серебро, бронза осенней травы, медь жнива, бирюза мартовского неба, сосновый малахит*.

К числу базовых языковых метафор относятся соматизмы (названия частей тела человека и животных), развившие способность обозначать части рельефа, различные предметы, механизмы, приспособления (*горный хребет, гривы в поймах реки, колено трубы, палец механизма, щека пистолета, ухо корзины, язык колокола, зуб пилы*).

В языковой картине мира необходимо различать два уровня: базисный (он представлен метафорическими универсалиями) и надстраиваемый на нем интерпретационный уровень, связанный с индивидуально-авторскими и окказиональными образованиями, диалектами и жаргонами. В метафоре и ее

подсистемах заключено имплицитное противопоставление обыденного видения мира (оно соответствует научным классификациям и научной (логической) картине мира) и необычного видения мира, вскрывающего индивидуальную сущность предмета и показывающего самые многочисленные (порой непредсказуемые и неожиданные) связи предметов и явлений реальности. Метафора активно участвует в создании образа окружающего мира и формировании личностной модели мира. Самое яркое представление такой модели мира легко обнаруживается в текстах художественной литературы, где универсальные модели трансформируются и вовлекают в свой состав новые тематические группы, тем самым обуславливают специфику художественной картины мира: *огненная купель* 'война' (В.Брюсов), *стаи гордых лебедей* 'волны' (П.Вяземский), *мельница с крылом* 'время' (С.Есенин), *глагол вселенный* 'гром' (С.Шевырев), *платье алое* 'заря' (С.Городецкий), *поцелуй стужи* 'лёд' (К.Фофанов), *беззвучный рой белых пчел* 'снег' (В.Ходасевич), *парча шелковая* 'трава' (А.Кольцов), *полки небесных ратников* 'тучи' (К.Случевский). Безусловно, семантическая и структурная организация таких метафор обусловлена спецификой мировосприятия автора, его личным жизненным опытом, индивидуальными системами ценностей, богатством воображений и свежестью ассоциаций, особенностями стиля и почерка изложения фактов. Талантливый писатель органически включает в ткань повествования определенные слова, которые (благодаря контекстовому окружению) мобилизуют свой глубинный семантический потенциал и создают яркий, неповторимый и запоминающийся образ. Даже один и тот же референт может по-разному интерпретироваться у различных носителей языка, что говорит о разных аспектах человеческого опыта и своеобразии авторского мировосприятия. К примеру, семантическая парадигма, основывающаяся на различных ассоциативных связях с глазами человека, насчитывает десятки образных выражений. Глаза – это *темные звёзды* (М.Цветаева), *два лучистые солнца* (И.Бунин), *свечи ночные* (А.Блок), *зарницы лукавые* (Ф.Сологуб), *глубокие лампы* (В.Бенедиктов), *молнии страстей* (В.Бенедиктов), *провалы тёмного дикого счастья* (Н.Гумилев), *два пустынных озера* (М.Цветаева), *две незабудки* (А.Фет), *листья синие* (С.Есенин), *ведра студёные* (В.Маяковский), *мороз крещенский* (А.Григорьев), *лоханка двойная* (К.Бальмонт), *две пуговицы перламутровые* (В.Нарбут), *взрывы тёмных дисков* (М.Зенкевич), *беседа ресниц беглая* (В.Брюсов), *две птицы странные* (Н.Гумилев), *драконыши шипящие* (С.Городецкий) и др.

Таким образом, метафора выполняет важную роль в формировании ЯКМ, которая представляет собой не статическую, а динамическую структуру, сочетающую в себе факты различных синхронных срезов. Слово

манифестирует свои значения не изолированно, а в тексте, в непосредственной связи с другими словами, создающими условия для новых трансформаций базисных метафор. Вторичный мир метафор возникает в результате интерпретации познающим индивидом фактов в их отвлечении от предметной реальности, в результате соизмерения образных восприятий каких-либо черт реальности со стереотипами, функционирующими в данной культуре. Интуитивные уподобления, неожиданные сравнения известного и неизвестно часто напоминают голографический объект, в котором не всегда четко просматриваются зеркальные отражения, поверхностные связи предметов и явлений окружающего мира.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ